

УДК 316.3 ББК 60.5

Калачикова Ольга Николаевна –

канд. экон. наук

Вологодский научный центр РАН,

г. Вологда

e-mail: onk82@yandex.ru

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ)¹

Стереотип, социально-уязвимые группы, эксклюзия, *многодетные семьи, социальная и государственная поддержка*

Наделение характерным набором признаков (стереотипизация) какой-либо социально-демографической группы населения имеет важное общественное значение. С одной стороны, согласно У. Липпману, это экономия усилий человека при восприятии сложных социальных объектов, защита ценностей и прав [4, с. 93-163]. Стереотип предполагает условную группировку людей на основании какого-то «легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [7, с. 98]. Данная трактовка обуславливает наличие связи стереотипа с социальной категоризацией [11], когда при отнесении воспринимаемого человека в определенные категории ему приписываются качества, которые считаются типичными для определенной совокупности людей [10, с. 422]. С другой стороны, наличие внутригрупповой дифференциации, особенно по ряду второстепенных критериев, неизбежно влечёт ошибочность представления о группе. по мнению П. Штомпки: «Стереотип – это упрощенный, односторонний, крайне утрированный образ определенной группы, трактующий всех членов этой группы недифференцированно, независимо от их индивидуальных особенностей» [8, с. 316]. Особенно остро вопрос несоответствия стереотипа реальному «лицу» категории встает в связи с инерционностью аттитюдов в условиях существенных (накопленных или революционных) изменений социальной реальности. По отношению к уязвимым группам населения неполное понимание их особенностей может повлечь снижение эффективности мер государственной поддержки и социальной политики в принципе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

Вологодский научный центр РАН с 2016 г. при поддержке Российского научного фонда осуществляет научно-исследовательский проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества». В соответствии с гипотезой исследования в его рамках мы обосновываем в качестве критерия социальной уязвимости социальную эксклюзию, при этом под эксклюзией мы понимали не просто исключение из общества, а ограничение доступа к общественным благам, невозможность людей участвовать в важных для них аспектах общественной жизни [9]. Со статусом уязвимости традиционно связывают бедность, недостаточный доступ к социальным и общественным сетям, ограничения в сфере трудоустройства и образования, невозможность планировать и отвечать за собственную жизнь [6, 40]. Исследование проводится на примере многодетных семей, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями здоровья и молодых специалистов. В данном докладе остановимся подробнее на результатах исследования многодетных семей. Эмпирический материал собран методом фокус-групп и массового анкетирования населения Северо-Западного федерального округа¹.

В начале отметим, что многодетные семьи к категории социально-уязвимых и нуждающихся в поддержке относят 69% респондентов. Это свидетельствует об устоявшемся отношении к данной группе как к особенной, отличающейся. По данным ряда исследований россияне ассоциируют многодетность, как правило, с бедностью и общим неблагополучием семьи, алкоголизмом, детской безнадзорностью [2; 3; 5]. Мнения о том, что, многодетная семья – это, как правило, семья благополучная, придерживаются лишь 14% россиян. Только 2% считают многодетные семьи материально обеспеченными [2, 34-35]. Отдельные исследования выявили тот факт, что «вокруг многодетных матерей по-прежнему продолжает существовать некоторая зона социального неодобрения и даже отторжения» [3]. Отношение к многодетным семьям неоднозначное даже в среде ученых, изучающих их. Так, Н.А. Бутрим обозначает многодетные семьи как нетипичные, указывая на их отклонение от социальной нормы, в том числе в смысле потребления благ [1, с. 172].

Негативный стереотип относительно многодетных семей чаще всего связан с финансовыми аспектами и маргинальностью. Так считают сами представители группы.

Елена (3 детей): «Существует негативный стереотип, что рождают ради денег. По некоторой части [семей] судят обо всех».

¹ Анкетный опрос проведен в 2016 г. на территории Вологодской, Мурманской, Калининградской, Новгородской областей, Республики Карелия. Выборка составила 3101 чел. (в том числе многодетные матери – 353 чел.), ошибка выборки не более 3%.

Четыре фокус-группы с многодетными родителями проведены в 2017 г. на базе ВолНИЦ РАН.

Алла (4 детей): «Группы, с кем работают социальные работники, – алкоголики, бездомные люди и к ним приравнивают многодетные семьи априори. Это в основном семьи неблагополучные, в которых кто-то болен алкоголизмом. Все деньги тратят на себя. Есть сообщество таких людей, и есть те, кто любят своих детей, а их приравнивают. Получается, что приравнивают тех, для кого дети – это счастье, к тем, кому дети не нужны».

Александра (4 детей): «Старшее поколение (55-60 лет) больше относится с негативом. Считают, что мы какие-то выпивошки, бездумно рождаем детей, не думаем о будущем. Дети ходят голодные-холодные. Государство платит деньги, поэтому рожают. Меня спрашивают: «Ты что, не ради денег рождаешь?» - «Нет, ради себя!». Надо менять такое отношение. А не поменять никак – пожилые все смотрят с негативом».

Часто негатив вызван просьбами многодетных семей о помощи в решении каких-либо проблем, т.е. необходимость выделения относительно больших ресурсов по сравнению с малодетными.

Ирина (3 ребенка): «Я отдаю себя полностью детям. Я все для них делаю. Бывает, что обратишься за помощью к государству, но у меня это все пойдет на детей, а приравнивают к безответственным. Говорят мне: «Ты идешь за третьим, чтобы тебе все помогли. Ты ходишь и просишь». Вот такой негатив».

Выделяется группа многодетных матерей, занимающих активную жизненную позицию, благополучных в материальном плане. Представители этой группы определяют установки социума к многодетности как положительные; основная реакция – интерес, удивление. И только потом заостряют внимание на том, что существуют многодетные семьи асоциального характера, которые вызывают абсолютно противоположную реакцию в обществе.

Юля (4 детей): Реакция общества положительная, обращаются с интересом и даже восхищением. В основном позитивно. Выделяют как особенных, но это хорошее выделение. Хотя мы – нормальные семьи. А вот есть асоциальные, те производят впечатление как стадо босых и ободранных.

Вика (4 детей): Читала, что у многих ассоциации: многодетные семьи как у цыган, неаккуратные, неухоженные, брошенные, или алкашня. Обидно стало. Много сейчас нормальных семей, среди знакомых много таких встречается.

Сами многодетные матери, относящиеся к первой группе, делают вывод, что одобрение / неодобрение со стороны окружающих людей зависит от внешнего вида членов семьи и от их поведения, как семья себя позиционирует.

Многодетные, отмечающие чаще негативное к себе отношение, демонстрируют достаточно агрессивный тип поведения, активно позиционируют себя как имеющих право на привилегии.

Елена (6 детей): «В поликлинику приходишь, «делаешь морду кирпичом», достаешь удостоверение и показываешь на стенд, где написано, что многодетные родители обслуживаются в первую очередь. Многие затыкаются».

«На комиссии по делам несовершеннолетних спрашивали: «Почему Вы не следите за своим ребенком?» - «А почему сразу ко мне? У него есть еще и отец. И ему уже 17 лет. Это уже не ребенок!». Какая злая на меня инспектор была!»

«Лицо» группы меняется, появляется прослойка и, по мнению экспертов, достаточно значительная, благополучных многодетных семей. Как отмечает руководитель Вологодской региональной общественной организации «Объединение многодетных семей «Большая Семья»» Шустовой Е.В. примерно 50% многодетных семей являются носителями традиционных черт стереотипа, 10% семей занимают особую позицию, максимально закрытую от внешнего окружения и на сегодняшний день уже 40% - вполне благополучные и социально активные, стремящиеся самостоятельно себя обеспечить семьи. Для них наличие стереотипа представляется несправедливым, требующим корректировки.

Кроме материального положения представителей данной группы отличает не просто (и не обязательно) более высокий уровень образования, но культуры вообще. Очевидно, критерий детности сам по себе не является сегодня стратифицирующим. Внутренняя разнородность группы требует более тщательного изучения её «портрета», а вернее, «портретов», что позволит получить кроме научного и практический результат, в первую очередь обусловленный необходимостью повышения эффективности государственной поддержки многодетных семей современной России.

Список литературы:

1. Бутрим, Н.А. Специфика проблем современной многодетной семьи // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 22. – С. 172–176.
2. Вовк, Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей // Нормы и ценности. – 2007. – № 3. – С. 33–46.
3. Грудина Т.Н. Социологический портрет многодетной семьи в России // Семья и демографические исследования. – URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5274/>
4. Липпман, У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Петрова, Т.Ю. Многодетные матери на рынке труда // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2014. – С. 866–868.

6. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 36–83.
7. Шибутани, Т. Социальная психология. – М., 1969. – 534 с.
8. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества. Пер. с польск. СМ. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
9. Эксклюзия как основной критерий выделения социально уязвимых групп населения / Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. // Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 29–47.
10. Taguiri, R. Person perception // Lindzey J., Aronson E. (eds.) The Handbook of social psychology. – Vol. 3. - N.Y., 1969. – Pp. 395-449.
11. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Turner J.C., Giles H. (eds.) Intergroup behavior. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.